

ДАРЬЯ ДИМИР

ЯРОСТЬ МОЯ

Дарья Димир

Ярость моя

<https://litres.ru/74173972>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннке — послушная дочь и жена, живущая так, как велят обычаи. А еще она — ведьма, от которой зависит благополучие родной деревни.

Когда на их остров возвращается Талли — человек, с которым когда-то сбежала старшая сестра Аннке, — она начинает выходить из оцепенения последних лет. Чем больше Аннке пытается разобраться в себе, тем яснее понимает: брак ее оказался клеткой, а долг перед людьми — удобным поводом распоряжаться ее жизнью.

Однако свобода никогда не дается даром. Чтобы вырваться из жизни, которую за нее выбрали другие, Аннке придется пойти против целой деревни — и против уклада, который всегда казался незыблемым.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дарья Димир

Ярость моя

Глава 1

В тот день соседские взгляды были устремлены на Аннке.

— Развратник Талли вернулся, — шептали одни.

— Вернулся, вернулся. Да только один вернулся. Где девица-то? — вопрошали другие.

— Бросил! Зуб даю, что бросил! — клялись третьи.

Аннке, как и любой послушной женщине, не надлежало вмешиваться в чужие разговоры и греть лишний раз свои нежные уши. Она разделалась с покупками, ухватила за тяжелые корзины и пошла домой: медленно и спокойно, чтобы никто не подумал, будто шепотки хоть как-то ее задели. Правда, заведя дом, чуть заторопилась, но только потому, что руки начали уставать.

В доме ее ждал отец: сидел за столом, старый и слабый, и слушал Гисли.

— Здравствуй, — поздоровался он и поглядел на Аннке.

— Вовремя ты вернулась.

— Отец. — Аннке поставила тяжелые корзины на пол. —

Мы рады, что ты заглянул. Дома все хорошо?

— Сокровище мое, — вмешался Гисли. — Отнеси корзи-

ны на кухню и возвращайся. Поговорить нужно.

На кухне Аннке столкнулась с Финеллой, но та заупрямилась и на тихие вопросы отвечать не стала — зарылась в корзины и вслух принялась размышлять, что бы такого приготовить на обед. Аннке в раздражении шлепнула ее по руке и вернулась к мужчинам.

— На улицах никто не приставал? — спросил Гисли, когда Аннке села за стол.

— Нет. С чего бы кому-то приставать ко мне?

— Соседи ни о чем не сплетничают?

— Не знаю. Я сплетни не слушаю.

— Хорошо, — улыбнулся Гисли. — Мне очень не хотелось омрачать твой день, но в наш дом пришли плохие вести. Ублюдок Талли соизволил вернуться на остров.

— Неужели? — ровным тоном спросила Аннке, но сама взмолилась, чтобы к щекам не прилила кровь. — Один?

— Да. И с собой он принес очередную беду.

Аннке посмотрела на отца: тот весь взмок, хотя в доме было прохладно. Старик уставился на свои некрасивые, огрубевшие руки, а вот на дочь не смотрел — наверняка специально, трус эдакий. Аннке сжала руки под столом и повернулась к мужу.

— Я слушаю.

— Мы-то думали, что и сестра твоя с ним заявится, — продолжил Гисли. — Вспомнит о бедных родителях. О тебе, в конце концов. Устыдится. Сколько лет прошло?

— Три года, — без колебаний ответила Аннке. — Почему же Имме не вернулась?

Гисли набрал в грудь воздуха, однако вместо него ответил отец:

— Она умерла. Морнирская лихорадка сгубила ее несколько месяцев назад. Так сказал Талли.

Аннке почувствовала на себе взгляд отца. Он проникал к ней в голову. В душу. Искал то, что Аннке никому не позволяла видеть, — особенно после того, как Имме сбежала. Бросила их всех. Бросила ее.

Нет, Имме не могла умереть, а Аннке не могла сорваться. Не здесь и не сейчас.

— Ясно. Извините, но теперь мне нужно помочь Финелле, — сказала она и обратилась к Гисли: — К нам кто-нибудь заглянет на обед?

— Нет. Будем только мы. Иди, поработай немного. Это поможет.

— Аннке... — начал отец, но она уже встала и, даже не простившись с ним, ушла на кухню.

Финелла, которая явно подслушала весь разговор, теперь то и дело посматривала на Аннке насмешливо, за что получила по шее и громко взвизгнула.

— За что? — обиженно спросила она.

— Сама знаешь. Займись делом.

Аннке сосредоточилась на обеде. Руки работали, а голова отгоняла все светлые мысли о сестре. Дурная, дурная Имме.

Позор семьи. Самое большое ее разочарование. Аннке повторяла это про себя, ругала сестру, препиралась с Финеллой и даже не заметила, как вернулась Бевин. Женщина придирчиво осмотрела суп и кивнула. Сказала:

— Я накрою на стол. Вы пока умойтесь.

Бевин бросила на Аннке изучающий взгляд, но не увидела ничего, из-за чего стоило бы забеспокоиться. Аннке умела держать себя в руках. Они умылись, привели себя в порядок и сели за стол. Отец давно ушел, однако весть, которую он принес, оставлять их не желала. Она словно поставила пятый стул и теперь сидела с ними. Аннке ела и ни на кого не смотрела.

— Вы решили, что будете делать с Гарни? — спросила Бевин. — Женщины начинают волноваться.

Гисли откашлялся и ответил:

— Пусть не волнуются. Руне заберет козу и то, на что глаз упадет. Гарни посидит месяцок в яме, а потом мы отправим его к Иллу — до весны. Поработает, наберется ума и вернется.

— Если доживет?

— Если доживет.

Бевин задумалась. Аннке понимала, какие мысли крутились в ее голове. Гарни заслуживал куда более сурового наказания, но Гисли и другие советники решили иначе. Видимо, девичья честь в их понимании стоила одной козы и того, на что упадет пристыженный отцовский глаз.

— Хорошо, — сказала Бевин и посмотрела на Финеллу.
— А ты води себя смирно, если не хочешь повторить судьбу подруги.

— Да, матушка, — закивала Финелла. — Со мной такого не случится.

— Не случится, потому что вскоре я подыщу тебе мужа,
— сказал Гисли. — Засиделась ты. Пора уже в свой дом перейти.

Финелла вздрогнула. Побледнела. И почему-то посмотрела на Аннке — та не сдержала усмешки. Неужели Финелла думала, что замужество обойдет ее стороной? Нет, рано или поздно каждая женщина пройдет через этот унижительный обряд, а потом проведет через него своих дочерей и, если повезет, своих внуков. От этого не уйти — только если ты не безрассудная Имме, которая сбежала от своего замужества и обрекла на него младшую сестру.

— А если муж мне не понравится? — осторожно спросила Финелла. — Если я не захочу выходить за него?

— Захочешь, — ответил Гисли. — А не то опозоришь семью. А с нас достаточно позора.

Гисли посмотрел на Аннке, и она кивнула. Сказала Финелле:

— Не повторяй судьбу Имме. Будь достойной девушкой и прими мужа, которого выберет Гисли. Он печется о благе семьи.

Финелла опустила голову и выдохнула, явно не поверив в

искренность слов Аннке. Зато Гисли был доволен: улыбнулся, потянулся к жене, взял за руку и оставил на ней сухой поцелуй. Аннке с трудом сдержала дрожь.

— Аннке права, — сказала Бевин. — Такие, как Имме, хорошо жить не смогут. Мне жаль девочку, но ее смерть еще раз доказывает, что боги карают всякого, кто противится воле старших.

Аннке представила красавицу Имме — пышнотелую и крепкую — и задумалась, быстро ли ее сгубила морнирская лихорадка. Люди говорили, что она способна иссушить человека за несколько недель, забрать все силы и оставить одни лишь кости. Аннке не могла представить ослабевшую сестру. Нет, Имме никогда не была слабой.

После обеда Гисли отправился к советникам, Финелла взялась за уборку, а Бевин повела Аннке во двор — поговорить с глазу на глаз.

— Люди начнут подходить к тебе. Будут спрашивать про Имме. Сплетни вытягивать. Ты никого не слушай и молчи. Будь выше этого позора. Время пройдет, и все уляжется.

Аннке внимательно посмотрела на свекровь. Бевин говорила разумные вещи, которые, казалось, шли от чистого сердца.

— Хорошо, — согласилась она. — Но мне все же придется зайти к родителям. Проверить, все ли у них в порядке.

— Позже. Иначе люди подумают, что ты побежала к ним из-за сестры. Выжди несколько дней, а потом приходи.

— Да, так будет правильной.

Бевин и Аннке пошли в огород и до самого вечера, с редкими перерывами на отдых, копались в земле. Аннке с остервенением выдергивала сорняки и повторяла, что к ней боги оказались куда более милосердны: она не умерла от глупой лихорадки вдали от семьи и друзей. Почему они вообще решили остаться в Морнире? Неужели Талли не мог увезти Имме в хорошее и безопасное место: в Галисию или Нимрат? Почему Имме умерла на вражьей земле?

Вечером Аннке долго смывала с себя грязь, долго расчесывала непослушные волосы, долго втирала ароматное масло в тело. Она готовилась. А перед сном Гисли, как обычно, навалился на нее и быстро задвигался. Аннке почти не обращала на него внимания, пытаясь понять, почему Талли не пришел к ней и не рассказал обо всем сам. «Не только ублюдок, но еще и трус», — подумала она и выдавила стон, когда Гисли закончил и слез с нее.

— Ты довольна? — спросил он, пытаясь отдышаться.

— Очень.

— Хорошо. — Он шлепнул Аннке по крепкому бедру и засмеялся. — Теперь можно и поспать.

Гисли отвернулся, а Аннке уставилась в потолок и в который раз взмолилась, чтобы эта ночь не закончилась появлением орущего младенца. К счастью, пока что боги к ней прислушивались.

Глава 2

Первая сплетница подкараулила Аннке у колодца через пару дней. Это была соседка Мона, пучеглазая хохотушка с выводком детей самой разной наружности. Мона говорила, что каждый ее ребенок походил на разных членов семьи: один — на отца, другой — на мать, третий — на бабу, четвертый — на тетку. Впрочем, всех их объединял задорный материнский нрав.

Мона и Аннке обменялись любезностями, поговорили немного о погоде и вестях с Большого острова. Мона в шутку пожаловалась на слишком ласкового мужа, который снова надумал обрюхатить ее, а потом, погнав детей с полными ведрами домой, спросила у Аннке:

— Ты как? Держишься хоть?

— Да. Все хорошо.

Аннке наполнила одно ведро, поставила его на землю и потянулась за вторым. Мона внимательно наблюдала за ней, видимо, ожидая подробностей, но так ничего и не получила. Хмыкнула и предложила:

— Ты, если поговорить захочешь, заходи ко мне, не стесняйся. Я слушать умею. Перемою за тебя все косточки.

Аннке фыркнула и, наполнив ведро водой, поинтересовалась:

— Кому?

— Всем. И ублюдку Талли, и позорнице Имме.

Аннке вспомнила, как позорница Имме ночами сидела у постели Ниры и вытаскивала из хрупкого тельца гадкую болезнь. Позорница Имме спасла жизнь единственной дочери Моны, самому любимому ее ребенку, ее красе и гордости. Как быстро Мона забыла об этом. Как легко.

В этот раз Аннке смолчала. Вспомнила наставления Бевин, поблагодарила соседку за поддержку, подхватила ведра и отправилась домой. Нечего трепаться о пустяках — лучше поторопиться и заняться полезными делами.

Гисли, завидев ее с ведрами, покачал головой и зацокал. Он не любил, когда Аннке нагружала себя перед приходом просителей. Видимо, думал, что из-за усталости она собьется, а магия сработает не так, как надо. Из упрямства Аннке продолжала трудиться даже в день прошений. Собьется — значит, собьется. Глядишь, люди разочаруются в ней и оставят в покое.

— Приведи себя в порядок, — велел Гисли.

Когда пришли Аржан и Палле, старые и суровые рыбаки, с пеленок ходившие в море, опрятная и прилично одетая Аннке, сменившая мокрый передник на красивый пояс, уже заняла место позади Гисли. В разговорах она почти не участвовала, но в комнате присутствовала: люди не должны думать, будто она помогает им против воли. То, что ее волей распоряжался Гисли, мало кого волновало. Главное — процветание деревни.

— Советник Гисли, — поздоровались рыбаки. — Ведьма Аннке.

— Присаживайтесь, друзья, присаживайтесь, — сказал Гисли и пригласил мужчин к столу. — Вот, промочите горло и расскажите, с чем пожаловали сегодня.

— С просьбой, как обычно, — ответил Аржан, усевшись и отхлебнув эля. — К тебе и к жене твоей. Завтра утром мы собираемся вывести молодняк и будем благодарны, если Аннке поговорит с морем. В долгу, сам знаешь, не останемся.

В их деревне все знали, что с ведьмой надо заключить сделку и уплатить цену, которую она назначит. Цена могла быть любой: от красивого расписного камешка до крепкой свиньи. Гисли предпочитал забирать часть улова — не слишком большую, чтобы рыбаки не возмущались, но достаточную, чтобы показать свою значимость, ведь он, Гисли, имел в женах настоящую ведьму. Единственную ведьму в деревне, а может, и на острове. В такие моменты, осматривая дары, он гордился Аннке, ластился к ней и говорил что-нибудь нежное.

Однако если Аннке не справлялась, если не получалось у нее усмирить море или наполнить землю силой, Гисли сердился. Бить не бил, но придирками изводил. Как же, ведь это его честь пострадала. Это на него рассчитывали люди, а Аннке, негодница такая, оплошала. Подвела его. Намеренно показала свой дурной нрав.

Имме за свою магию требовала ответную помощь или по-

дарок — так Мона, когда ее дочка оправилась после болезни, связала теплый платок. Имме забрала его, когда сбежала с острова. Не смогла оставить такой хороший подарок. Аннке задумалась, что случилось с вещами сестры: хранятся ли они в доме Талли или же он все распродал, чтобы вернуться домой?

— Аннке, — позвал жену Гисли. — Аржан задал вопрос. Аннке посмотрела на старика и кивнула.

— Я поговорю с морем.

В деревне слабо представляли, что именно делала Аннке и как ей удавалось говорить с природой. Когда она была помладше, то пыталась объяснить, что чувствует, но рассказ этот всегда выходил бессвязным. Аннке была частью земли, на которой они жили, частью моря, которое кормило их, и частью леса, который уходил вглубь острова. Она понимала переменчивое настроение природы. Понимала, что ей требуется и от чего она бушует. Аннке могла поговорить с природой, объясниться и попросить о помощи, а та отзывалась и помогала.

Когда Аржан и Палле ушли, Гисли повернулся к Аннке и сказал:

— Я хочу, чтобы моя мать пошла с тобой.

Прикусить язык Аннке не успела:

— Боишься, что я не справлюсь?

— Нет. Просто не хочу, чтобы ты расстраивалась.

— Почему ты решил, что я расстроюсь?

— Потому что у меня есть глаза и уши.

Аннке напряглась. Заставила себя улыбнуться и кивнула.

— Хорошо, пусть Бевин сходит со мной.

Берег встретил их прохладным ветром, запахом рыбы и водорослей. В небе кружили чайки и кричали так, что голова грозилась разболеться. Повсюду сустились люди, готовились выйти в море, но только после того, как Аннке поговорит с водой. Удивительно, что все они надеялись на ее помощь, ждали ее, но благодарили Гисли. Всегда и только его.

Мужчины возились с лодками и проверяли сети. Женщины сидели на камнях и чистили мелкую рыбу, которую успели поймать утром. Дети постарше помогали взрослым: собирали водоросли и ракушки, пытались поймать крабов. Самые маленькие носились вдоль берега, а за ними мчалась стайка собак. Аннке заметила знакомого пса и быстро выхватила взглядом его хозяина. Как всегда тихий и сосредоточенный, Роальд внимательно слушал старшего брата и что-то ему отвечал.

— Идем, — сказала Бевин. — Нечего время терять.

Они пошли по берегу, подальше от людей и их мирной жизни. Аннке боролась с желанием обернуться и еще раз взглянуть на Роальда — проверить, заметил ли он ее и смотрел ли ей вслед. Бевин — те самые глаза и уши — тяжело дышала, и Аннке, назло ей, не останавливалась. Быстро шла вперед, пока женщина не сказала:

— Стой. Мы достаточно ушли. Здесь никто мешать не бу-

дет.

— Как скажешь.

Раскрасневшаяся Бевин уселась на камень, а Аннке, скинув обувь и подняв тяжелые юбки, зашла в холодную воду и улыбнулась. Прежние тревоги наконец отступили, показались вдруг такими пустыми, несущественными и глупыми. Какое ей дело до Имме и Талли, до Гисли и Роальда, когда она могла соединиться с самой природой, почувствовать ее силу и мощь, услышать в своей голове ее таинственный голос?

Аннке сделала глубокий вдох и рассмеялась. В детстве она часто убегала из дома и целый день проводила у моря или в лесу. Босыми ногами исследовала дно, руками загребала песок и пропускала его через воду. Смотрела, как он исчезает, а руки ее очищаются. В лесу она забиралась в овраги, лежала и смотрела на кроны деревьев. Прислушивалась к пению птиц и пела сама.

Аннке была счастлива, а вместе с ней счастлива была и природа. Однако потом о даре узнали взрослые и захотели использовать его ради своих глупых целей. После этого проснулся дар Имме, и они стали одной из самых уважаемых семей на острове. Настолько уважаемой, что к ним пришел Гисли — молодой и красивый советник, у которого был свой дом, огород и множество животных. Гисли держал связь с Большим островом, привозил редкие заморские товары и к Имме пришел с корзиной подарков.

А пару месяцев спустя Имме сбежала с Талли, забрав почти все деньги, опозорив Гисли и разбив сердце родителям.

Только благодаря опыту Аннке не сбилась. Она попросила море вести себя спокойно, попросила его быть щедрым и позаботиться о рыбаках. Она отдала ему частицу себя, а на обратном пути почувствовала знакомую слабость. Такое иногда случалось: магия не только давала, но и забирала. Забирала силы и здоровье. Наверное, даже возможность забеременеть. Так думала Бевин — и однажды сказала об этом сыну, полагая, что Аннке не слышит.

Аннке не знала, правда это или нет, но не расстраивалась. Как-то раз ее привели к повитухе, но та после долгого и неприятного осмотра сказала, что Аннке здорова. Тело ее было крепким, а бедра широкими — она спокойно могла выносить не одно дитя. Поначалу Аннке боялась, что Гисли станет злиться, но со временем успокоилась, а потом, видя на одежде или простынях новую кровь, начала благодарить богов за их милосердие.

Они вернулись к рыбакам, и Бевин сказала, что дело сделано. Аннке чувствовала на себе взгляд Роальда и вздрогнула, когда в руку ей ткнулся мокрый песий нос. Токке помнил ее запах и всегда так с ней здоровался.

— Прости, — пробормотал Роальд и оттащил Токке. — Он сегодня балуется.

— Только сегодня? — улыбнулась Аннке.

Роальд выдохнул и посмотрел ей прямо в глаза.

— Нам пора домой, — сказала Бевин. — У Аннке много дел.

Окрыленная одним-единственным взглядом, Аннке возвращалась домой, и даже причитания Бевин не могли испортить ей настроение. Нет, это сделала не свекровь. Это сделал Талли. Ублюдок и трус Талли.

Аннке не сразу заметила его среди толпы, а когда заметила, то остановилась и замерла как громом пораженная. Талли не просто посмел вернуться на остров, где о нем вспоминали с явным неодобрением. Он посмел выйти в люди, посмел заговорить с ними, словно ничего не произошло. Словно не он погубил Имме. Словно не он увез ее из дома, заставив выбирать между ним и семьей. Между ним и Аннке.

— Пошли, — велела Бевин и попыталась увести Аннке. — Пошли, дурная.

Аннке не сдвинулась с места. Она ждала, но сама не понимала чего. Рассматривала Талли и отмечала все изменения: он возмужал за эти три года и больше не выглядел как глупый мальчишка, однако лицо его, всегда такое живое и улыбочное, теперь казалось мертвым.

Талли увидел их с Бевин и застыл. Соседи, с которыми он разговаривал, проследили за его взглядом, заметили Аннке и покачали головами. Один что-то шепнул другому.

— Что ты устроила, а? — прошипела встревоженная свекровь. — Что я тебе говорила?

Аннке продолжала смотреть на Талли, а на других не об-

ращала внимания. Люди всегда о чем-нибудь говорят, даже если ничего не происходит. Даже если Аннке ведет себя смирно.

Талли все-таки сдался: опустил голову, простился с соседями и поспешил убраться с улицы. Аннке горько усмехнулась и повернулась к Бевин:

— Идем домой. У нас много дел.

Глава 3

В доме родителей привычно пахло деревом и горькими травами. Аннке поправила оберег на двери, поставила на стол корзину с едой и сунула в материнскую руку мешочек с монетами. А потом крепко обняла младшего брата.

— Ты когда-нибудь перестанешь расти? — в шутку спросила она, разглядывая бледного и лопоухого Эрри.

— Не перестану. Я собираюсь перерости старика Янна, а потом начну пугать детей по ночам. А то они совсем страх потеряли, шастают где попало.

Аннке рассмеялась. В детстве они до ужаса боялись Янна и гадали, чем же он так умаслил богов, что ему даровали такой рост. Люди говорили, будто в детстве Янн принес в жертву новорожденную сестру: отдал ее богине-матери Зилле, а взамен попросил сделать его самым высоким и сильным человеком на свете. Имме в эти сказки не верила, в отличие от Аннке и Эрри.

— Кстати, Бейл берет меня в ученики, — сказал брат. — Меня и еще нескольких ребят.

— Ты, кажется, не хотел по стопам отца идти.

— Ну, плотники всегда нужны. Кто знает, может, потом на Большой остров переберусь.

— Дело хорошее. — Аннке повернулась к матери. — А вы как? Никто не беспокоит?

Та пожала плечами. Ранья всегда была немногословной, а после побега старшей дочери совсем ушла в себя, так что Аннке и не ждала от нее честного признания.

— А почему нас должны беспокоить? — спросил Эрри.
— Из-за Имме, что ли?

— Не знаю. Просто спрашиваю.

В дом вернулся отец. Посмотрел на Аннке, кивнул и поздоровался вполголоса.

— Ну, я матери объяснил, что если кто пристанет, пусть мне скажет. Мы с Гисли быстро разберемся.

— Вы с Гисли?

— Да. Гисли сказал, что я хоть и юн, но тоже отвечаю за семью. Я должен заботиться о вашей чести и добром имени, — рассудил Эрри. — Но мужчины все понимают и не лезут. Это женщины вечно сплетничают. А я считаю, что лучше вообще ничего не говорить. Все, Имме больше нет.

Мать издала какой-то жалобный звук и ушла в другую комнату. Аннке вздохнула.

— Я не прав, что ли? — спросил Эрри. — Имме нас опозорила. Чем раньше мы забудем о ней, тем лучше.

— Если бы все было так просто, — сказал отец и ушел за женой.

— Ай, ничего они не понимают! — махнул рукой Эрри.
— Ты-то согласна со мной?

— Конечно, — кивнула Аннке. — Забудем, как она пела нам колыбельные перед сном. Как лечила тебя. Как мы с ней

учили тебя плавать.

— Я не это имел...

— Забудем про вылазки в лес. Забудем, как Имме утешала нас после смерти дедушки. Ты помнишь дедушку? Ты его очень любил, везде за ним ходил. Давай и его забудем? Давай всех забудем!

Аннке стало трудно дышать. Она смотрела на растеряннго Эрри, но видела в нем будущего Гисли, а потому в раздражении выскочила из дома. Столько светлых воспоминаний — и все ради того, чтобы об Имме вспоминали со стыдом и упреком. Неужели это все, что от нее останется? Неужели стыд окажется сильнее любви?

Аннке не желала возвращаться ни к родителям, ни в дом Гисли. Ей хотелось убежать в лес, прямо как в детстве, и спрятаться в каком-нибудь овраге. Хотелось, чтобы корни деревьев обвили ее и крепко к себе прижали, чтобы защитили ее и уберегли от всех невзгод. Раньше таким деревом, крепким и могучим, была сестра. Имме обнимала ее, утирала горячие слезы и целовала в макушку. Не к матери бежала Аннке в трудные минуты и не к отцу — к сестре, всегда и только к ней.

Ноги привели Аннке не в лес, а к воде. К соленому воздуху и шумным волнам. На берегу не было ни души, даже самой одинокой. Аннке смотрела на горизонт, а сама думала, как же ей жить теперь, когда сестры не стало. К кому она побежит? Кто обнимет ее, утрет слезы и поцелует в макушку?

Неужели не осталось ни одного человека, на которого Аннке сможет положиться? Сердце заныло от этих мыслей, а в груди все сжалось от невыплаканных слез.

Она одна. Совсем одна. И справляться со своими горестями тоже должна в одиночку.

К вечеру заморосил мелкий дождь, и Аннке, приведя себя в порядок, поспешила домой. На крыльце сидела Финелла — поникшая, с покрасневшими глазами и носом. Аннке хотела спросить, что случилось, но вспомнила их утреннюю перебранку и прошла мимо.

— Ты где была? — грубее обычного спросил Гисли.

— У родителей.

— Я просил не задерживаться.

— Что-то стряслось, пока меня не было?

Гисли вскинул голову.

— А если бы стряслось? Если бы матери или сестре вдруг понадобилась помощь, а тебя не было бы рядом?

— Уверена, ты бы помог, — мягким тоном отозвалась Аннке. — Ты ведь за нас в ответе и не допустишь, чтобы случилось что-то плохое.

Гисли подошел к ней и посмотрел сверху вниз.

— Да. Жаль только, что ты этого не ценишь. — Он подхватил ее за подбородок и усмехнулся. — Я все для тебя делаю, Аннке. Забочусь, оберегаю. Неужели в тебе нет ни капли благодарности? Что ж у тебя за сердце-то такое?

— Какое?

— Холодное.

Может, у нее и правда холодное сердце. Холодное и одинокое. Может, ей стоит забыть обо всех обидах и стать для Гисли хорошей женой — той, что любит его и мечтает подарить ему детей, заботится о семье и с благодарностью принимает все, что дают. Может, тогда жить станет легче и спокойнее. Многие женщины смиряются и стараются находить хорошее в том, что им досталось. Почему бы ей не стать такой же? Хотя бы попробовать стать такой же.

В этот вечер Аннке не нашла сил сопротивляться и спорить с Гисли. Мысленно презирая себя за следующие слова, она прошептала:

— Прости. Прости, что задержалась и заставила тебя волноваться.

— Сегодня прощаю, — вздохнул Гисли и поцеловал ее. — Ты в последнее время сама не своя, я вижу. Правда вижу. Но пора уже взять себя в руки, хорошо?

Аннке кивнула и с трудом, но вытерпела ласки мужа.

Глава 4

Общий Дом в это утро гудел — такого у них давно не случилось. Люди рассаживались по скрипучим лавкам, пристраивались у стен, занимали места на улице и шептались, шептались, шептались. Аннке уселась рядом с Гуллой, своей хорошей знакомой, и теперь разглядывала молодого человека, который сидел по правую сторону от советников. По левую сторону расположились Отто и Авилла, брат и сестра.

Первое слово взял Гисли:

— Сегодня мы с вами собрались, чтобы выслушать Геро, сына Рутгера. — Гисли указал на молодого человека. — И решить спор, который возник между ним и Отто с Авиллой. У каждого в этом зале будет возможность высказаться, а затем советники примут окончательное решение. Геро, мы внимательно тебя слушаем.

Геро встал и, прокашлявшись, обратился к людям:

— Многие из вас наверняка помнят моего отца. Он совершил страшное убийство, и вы по праву изгнали его. Двадцать пять лет он жил на Большом острове и ни разу не нарушил вашей воли. Он принял свое изгнание и не беспокоил вас. Женился и завел семью. Но сейчас отец болен. Врачи говорят, что жить ему осталось недолго. Говорят, что весны он, скорее всего, уже не увидит. Теперь он просит лишь об одном: умереть на родной земле. Лечь в землю предков —

его последнее желание. Вот с чем я прибыл к вам.

Тишина была недолгой: как только Геро умолк и сел, люди тут же зашептались. Гисли поднял руку и заявил, что нужно выслушать вторую сторону.

— Нам с сестрой было десять, когда убили отца, — заговорил Отто, поднявшись, чтобы все хорошо его видели. — Мать лишилась не только мужа, но и кормильца. Нам всем пришлось взяться за работу. Мы пахали с утра до ночи, чтобы заработать себе на пропитание. Сестра до крови натирала руки и плакала, а у меня не оставалось сил, чтобы успокоить ее.

Авилла кивала, а Отто продолжал:

— Мать умерла раньше времени. Из-за горя и жизни, на которую ее обрек Рутгер. У меня и у сестры теперь свои семьи. И дети тоже есть. Они почти не помнят бабу и совсем не знают деда. Рутгер хочет умереть на родине? Наш ответ — нет. Не видать ему земли предков.

Отто сел, а советник Карвин спросил:

— Желает ли Авилла высказаться?

Авилла посмотрела на Отто и после его кивка встала. Она была зрелой женщиной, но сейчас, заговорив о прошлом, стала похожа на маленького, невинного ребенка.

— Я помню ту ночь. Помню маму. Она все время плакала, а мы с братом пытались ее успокоить, вот только она нас совсем не замечала. Она думала о муже. Гадала, почему Рутгер убил его. Ты знаешь, почему он это сделал? — обратилась

Авилла к Геро. — Знаешь, почему твой отец убил моего?

Геро кивнул.

— Я не желаю, чтобы Рутгера хоронили рядом с моими родителями, — продолжила Авилла. — Пусть умирает на чужой земле!

Она села и что-то горячо зашептала брату на ухо. Геро смотрел в пол.

— Ты знаешь, из-за чего Рутгер убил их отца? — спросила Аннке у Гуллы.

— Ой, это такая история! Говорят, Рутгер любил их мать. — Гулла указала на Отто и Авиллу. — А вот Лотте его не любила и замуж вышла за Джорди. Рутгер вроде как смирился и отпустил ее, но, наверное, жуть как ревновал. А в ту ночь сорвался.

— Безумие, — прошептала Аннке.

— А то!

— Нет. Безумие — десять лет мирно прожить в одной деревне, а потом сорваться. Странно звучит, не думаешь?

Гулла пожала плечами.

— Я хорошо знал Рутгера, — сказал Адди, тонкий седовласый советник. — Он был толковым парнем и хорошим работником. Никогда ни на что не жаловался. Ни с кем не ссорился. Поэтому так тяжело было смотреть на него в ту ночь. Мы не верили, что он это сделал. Что убил товарища. Но теперь нам нужно решить, искупил ли Рутгер свою вину. Может, двадцати пяти лет достаточно, чтобы заслужить

прощение?

— Нет! — выкрикнула Авилла.

— Закон есть закон, — заявил кто-то из соседей. — Изгнание до самой смерти.

— Но он же не просит многого, — услышала Аннке голос Дейви, мужа Моны. — Просто умереть на родной земле.

— Наш отец мог бы прожить долгую жизнь на родной земле, — сказал Отто.

Аннке смотрела на соседей, слушала их обсуждения и не могла понять, что же было не так. Долго она собиралась с силами, а потом, улучив момент тишины, встала и произнесла:

— Мне кажется, одна из сторон что-то недоговаривает. — Аннке посмотрела на Отто и Авиллу. — Десять лет Рутгер и Джорди жили в мире, а потом один сорвался и напал на другого. С чего бы? Объясните, что такого случилось в ту ночь, что Рутгер пошел на убийство?

Аннке поймала на себе взгляд Гисли, но не могла понять, что он значил. Она села и понадеялась, что ее слова не сочтут дерзостью, потому что сама она лишь хотела узнать всю правду.

— Я хорошо помню ту ночь, — раздался глубокий женский голос.

Все обернулись и посмотрели на отшельницу Маретту. Она стояла у стены, скрестив руки на груди и нахмутив светлые брови. А затем прошла вперед, к столу советников.

— До пожара мы с матерью жили рядом с Джорди и Лотте.

Много чего видели и слышали, но сейчас не об этом речь. В ту ночь я вышла на улицу и услышала мужские голоса, прямо у дома Джорди. А еще услышала испуганный голос Лотте. Все они были на улице.

Геро с надеждой ловил каждое слово Маретты.

— Джорди был нехорошим человеком. Недобрым, особенно когда пил. А пил он в то время часто. И срывался часто. Может, не на детях, — признала Маретта, посмотрев на Отто и Авиллу, — но на жене точно. В ту ночь Рутгер не позволил ему сорваться. Чем все закончилось, вы знаете.

— Почему же ты ничего не рассказала тогда? — спросил Гисли.

— Я говорила. Но странных девочек обычно никто не слушает.

Маретта сказала последнее слово и вышла из Общего Дома.

— Кто-нибудь еще желает высказаться? — спросил Гисли, но не получил ответа. — Хорошо. Тогда мы уходим, чтобы принять окончательное решение.

Советники перешли в соседнюю комнату, а люди заговорили кто о чем. Аннке шепнула Гулле, что скоро вернется, и вышла на улицу подышать. Маретта еще не ушла — бродила возле Дома и, заведя Аннке, жестом подозвала к себе.

— Зайди ко мне, когда будет время, — попросила она. — Дело есть.

— Какое? Дела в нашем доме ведет Гисли.

— Мне нужен не Гисли, а ты. И дела я хочу вести с тобой.

Аннке задумалась. Обернулась и посмотрела на Дом, но, судя по громким разговорам, советники еще не вернулись.

— Ну хорошо. Если получится.

— Прекрасно, — улыбнулась Маретта и пошла прочь.

— Ты не останешься? — громко спросила Аннке.

— А зачем? Я знаю, что они решат.

Когда Аннке проветрила голову и вернулась в Общий Дом, советники уже заняли свои места и призывали к тишине. Гисли поднялся, спокойно осмотрел собравшихся и объявил:

— Несмотря на то что слова Маретты многое прояснили сегодня, совет не может закрыть глаза на горе Отто и Авиллы. Закон есть закон. Каким бы человеком ни был Джорди, каждому ребенку нужен отец, жене — защитник, а семье — кормилец. Мы не станем менять прежнее решение и не позволим изгнаннику Рутгеру вернуться. Отто и Авилла этого не желают, и мы не нарушим их покой. — Гисли повернулся к Геро. — Однако мы не запрещаем тебе взять горсть родной земли и привезти ее отцу. Пусть хотя бы это послужит ему утешением перед смертью. Большого мы дать не можем.

Геро кивнул. На этом совет был окончен. Люди вставали и расходились, обсуждая принятое решение и бытовые дела. Кто-то подходил к Отто и Авилле и утешал их. Геро что-то спросил у советника Адди, а затем стремительно покинул Общий Дом.

Аннке слышала смех Гисли и посмотрела на мужа. Самый молодой из советников, он пользовался доверием и уважением деревни. Обе стороны Гисли слушал с вниманием и сочувствием, сам говорил спокойно и взвешенно, но несколько дней назад обвинял Аннке в холодности, а вчера опять набросился с упреками, увидев на белье кровь. Поражительный человек!

Аннке отыскала Бевин и Финеллу, и домой они отправились вместе. Свекровь молчала, но Аннке не сомневалась, что вопросы, заданные на собрании, не останутся без внимания. Однако Бевин так ничего и не сказала: ни когда они зашли в дом, ни когда взялись за готовку. В этот раз решили приготовить мясо — редкое блюдо на их столе.

— Она не хочет тратить на тебя свои силы, — с издевкой произнесла Финелла, когда они с Аннке остались наедине. — Пусть мой брат тебя воспитывает.

— Знала бы ты, с каким нетерпением я жду твоей свадьбы, дорогая сестрица, — нашлась с колкостью Аннке. — Я молюсь, чтобы Гисли выбрал тебе самого старого и уродливого мужа.

Лицо Финеллы перекошилось.

— Я хотя бы смогу родить ему ребенка. А ты навсегда останешься бесплодной.

Аннке выдохнула и улыбнулась: если бы Финелла знала, сколь приятными и обнадеживающими были эти слова, она бы разозлилась еще сильнее.

Гисли вернулся к обеду и, к удивлению Финеллы и облегчению Аннке, пребывал в хорошем расположении духа. Он накинудся на еду и даже не вспомнил о выступлении Аннке — в этот раз гроза их миновала.

Наевшись и утерев рот, Гисли посмотрел на Финеллу и сказал:

— Мы выбрали для тебя мужа, любимая моя сестра. Хороший человек, мать одобрила.

Аннке посмотрела на Бевин и поняла причину недавнего молчания. Не о ней женщина думала все это время, а о дочери. У Финеллы задрожали губы, но она смогла вымолвить:

— И кого?

— Логана.

— Советника Логана? Но он же ст... — Финелла не договорила.

Гисли нахмурился.

— Старый, ты хотела сказать? — подсказала Аннке. — Перестань, он же в самом расцвете сил. Достойный выбор!

— Аннке права, — сказал Гисли. — Он всего на несколько лет старше меня. Тебе нужен опытный человек, Финелла. Кто-то, кто направит тебя. Сделает из тебя достойную жену. Мы с Логаном обо всем договорились. Свадьбу устроим в конце лета.

Финелла опустила голову и, к чести своей, не заплакала. Аннке знала, что для слез та найдет другое место. Оно есть у каждой женщины: тихое, укромное, где можно и поплакать,

и покричать. Финелла, наверное, думала, что станет тем самым исключением, но Аннке знала: для этого нужно быть смелой и волевой. Как Имме.

Глава 5

К Маретте Аннке пришла не сразу: два дня она думала, сказать Гисли о просьбе отшельницы или нет, а еще два дня собиралась с духом и убеждала себя, что поход к соседке никого не разозлит. В конце концов, Аннке была взрослой женщиной. Замужней женщиной. Ведьмой. Она ничего не сказала ни Гисли, ни Бевин и, вычистив хлев, ушла якобы на прогулку.

Старый дом Маретты и ее матери сгорел много лет назад. Поговаривали, что пожар устроила сама Маретта, так что мужчины, собравшись и поразмыслив, решили построить новый дом подальше от остальных. На случай нового пожара или какой другой напасти. Сейчас Аннке была этому рада: не хотелось, чтобы чей-нибудь любопытный глаз заметил ее.

— Проходи. — Маретта впустила Аннке в дом. — Спасибо, что пришла.

Аннке не хотела затягивать встречу и сразу же спросила:

— Какое у тебя ко мне дело?

— Чаю выпить не желаешь?

— Нет.

— Ну ладно. Дело для тебя, наверное, несложное. Мой огород совсем зачах. Боюсь, осенью не даст ничего приличного. В прошлом году я оголодала и второй раз не хочу через

это проходить. Ты можешь поговорить с землей?

Аннке подошла к окну и взглянула на скромный огород Маретты. Суший пустяк — она и не с таким справлялась.

— Хорошо.

— Да? Славно! Какой будет цена?

Такой простой вопрос, но Аннке не нашлась с ответом: стояла, смотрела на женщину, а в голове не было ни одной толковой мысли. Что она могла потребовать? И могла ли?

— Я... не знаю, — честно ответила Аннке. — Цену всегда назначает муж.

— Понимаю. Но ведь магию творишь ты. Почему бы в этот раз не взять то, что нужно тебе, а не Гисли?

— А что ты можешь предложить?

Маретта призадумалась.

— Что-то мне подсказывает, что ты никому не сказала о нашей встрече. Я ничего не смогу тебе подарить, иначе дома заметят, верно?

Аннке кивнула.

— Могу отдать по осени часть урожая. Скромную, но честную. И ты сама выберешь, что забрать. Устроит тебя такой вариант?

— Пожалуй.

— Значит, сделка?

Маретта протянула руку, и Аннке не слишком уверенно, но все же пожала ее.

— Сделка.

До чего приятно было использовать магию по своему желанию, а не по велению Гисли. Аннке сидела на коленях, растирала в ладонях землю и ощущала знакомый покой. Любая земля, даже самая бедная и истощенная, рано или поздно отзывалась на ее голос и прикосновения. Аннке подняла глаза к небу и улыбнулась, предвкушая хорошую работу.

Долго возиться не пришлось: Маретта даже забеспокоиться не успела, как Аннке поднялась и, отряхнув юбки и вытерев о них руки, вернулась в дом с чувством приятного удовлетворения.

Голова кружилась, и Аннке присела за стол, в этот раз решив не отказываться от чая. Маретта оказалась приятной хозяйкой, совсем не странной. Да, жила одна, без мужа и детей, но, кажется, была этим довольна. Она поставила на стол чашки и мешочек с сухарями.

— Спасибо.

— Тебе спасибо. Гисли говорить будешь?

— Пока не буду. Но если спросит, врать не стану.

Аннке медленно пила чай и, пока голова прояснялась, позволила себе оглядеться. Дом у Маретты был простой, чистый и тихий. На полках стояла глиняная посуда и фигурка бога Улана, над столом висели толстые пучки трав, а на стене — длинное полотно, с вышитыми разноцветными нитками узорами.

— Ты хорошо в них разбираешься? — спросила Аннке, указав на травы.

— Да. Когда живешь один, быстро учишься.

— И тебе не одиноко? Извини, если вопрос грубый...

Маретта не обиделась. Подлила себе чаю и сказала честно:

— Иногда. Но реже, чем ты думаешь. — Женщина посмотрела на Аннке, будто прикидывая, стоит ли продолжать.
— Одиночество ведь разное. В большом доме тоже можно быть очень одинокой. Но здесь я сама себе хозяйка.

Аннке кивнула, хотя на самом деле не знала, каково это — быть себе хозяйкой.

— Говорят, твою сестру можно поздравить.

Аннке не сразу поняла, о какой сестре идет речь, а затем фыркнула.

— О да. Советник Логан — отличный выбор. Финелле очень повезло.

— Правда? — Маретта прищурилась. — Мне Финелла не показалась такой уж... счастливой. Думаешь, муж и правда придется ей по душе?

— Да. Она привыкнет и присмирееет. Нечего ей... — Аннке осеклась и мысленно себя отругала. — Знаешь, мне пора. Не хочу задерживаться.

— Точно?

— Да, да. Я и так засиделась.

— Ну ладно. Заходи еще, если пожелаешь. Я гостям рада.
Маретта, если и обратила внимание на покрасневшие щеки Аннке, виду не подала. Проводила ее на улицу и еще раз поблагодарила за помощь. Домой Аннке возвращалась с тя-

желым сердцем, спрашивая себя, почему вообще решилась говорить так откровенно. Она ведь почти не знала Маретту, но все равно рискнула прийти к ней, помочь да еще и остаться на чай. Дурная она, и правда дурная.

К вечеру погода начала портиться. С неба на деревню опускалась серость, а в воздухе запахло скорой грозой. Аннке заволновалась, что не дойдет до дома до первых капель, и заторопилась, приподняв юбки и стараясь нигде не споткнуться. Позади раздался громкий голос.

— Аннке! Аннке! — кричали ей вслед. — Стой! Да постой же ты!

Аннке остановилась. В груди от одного голоса поднималось что-то нехорошее.

— Что? — процедила она, обернувшись к нагнавшему ее Талли.

— Поговорить хочу.

— Мне не о чем с тобой разговаривать.

— Аннке...

— Что? Что такого ты можешь мне сказать?

— Я извиниться хотел.

— Да ну! С чего бы? Неужели ты что-то натворил? Неужели идеальный Талли совершил ошибку? Не поверю!

Аннке не могла сдерживаться, а Талли, трус такой, смиренно принимал все обвинения. Горькие слова, долго запертые внутри, прорывались теперь наружу, обрушивались на него, точно ливень на деревню.

— Талли не может совершить ошибку! — гремела она. — Нет, он все делает правильно, во всем уверен и никогда не думает о последствиях. Никогда не задумывается о будущем. Ведь если бы задумался, то не стал бы увозить мою сестру.

— Ты права.

— Конечно права! Ты трус. Жалкий трус. Увез Имме, а потом позволил ей умереть. И когда вернулся, то... то даже не смог найти меня и рассказать обо всем лично. Почему? Почему мне пришлось узнать обо всем от отца и Гисли, а не от тебя?

— Мне было стыдно, — признался Талли и подошел вплотную к Аннке. — Прости, что забрал твою сестру. Прости, что не уберег ее. Прости, что ты узнала обо всем вот так.

— Не прощу я тебя! — прокричала Аннке. — Никогда и ни за что не прощу!

Резкий раскат грома заставил их обоих вздрогнуть и поднять глаза к небу.

— Мне нужно домой, — пробормотала Аннке, почувствовав знакомую слабость в теле. Нельзя ей больше злиться.

— Аннке, — взмолился Талли, взяв ее за руку. — Мы всегда были хорошими друзьями. Пожалуйста...

— Не друзья мы больше, так что держись от меня подальше.

Добежать до дома Аннке не успела: хлынул противный ливень. Одежда ее намокла, неприятно липла к телу, а с волос стекала вода. Замерзшая и злая, Аннке влетела в спаль-

ню, разделась и, голая, уселась перед жаровней. Протянула к ней дрожащие руки и выдохнула. Она не собиралась срываться на Талли, не собиралась злиться на слишком свободную Имме, кричать и уж тем более призывать дождь. Магия немного вышла из-под контроля.

Нехорошо это, ох как плохо.

В таком состоянии Аннке и нашел Гисли. Он окинул ее жадным взглядом, присел рядом, шутливо пожаловавшись на погоду, и откинул ее длинные волосы за спину. Тело Аннке покрылось мурашками.

— Из-за чего моя ведьма грустит сегодня? — спросил Гисли с лукавой улыбкой, погладив Аннке по плечу. — Что случилось?

— Ничего, — пробормотала Аннке. — Я просто устала.

— От чего ты могла устать?

Гисли придвинулся к ней и коснулся губами нежной кожи. От него сильно пахло элем. Аннке сморщилась и втянула воздух, когда почувствовала широкую ладонь на своей груди.

— Гисли, не надо.

Аннке попыталась отстраниться. Меньше всего ей хотелось выполнять супружеский долг, но Гисли уже не слушал. Губы его блуждали по телу жены: по шее и ключицам, по холодному плечу и мягкой груди, в то время как руки спускались к бедрам. Гисли попытался уложить Аннке на пол, но она воспротивилась и сказала громче обычного:

— Я не хочу!

Гисли замер и нахмурился.

— Что это значит?

— Это значит, что сегодня я не хочу спать с тобой, — раздраженно бросила Аннке и, выпутавшись из объятий мужа, поднялась. Она достала из шкафа сухое платье и под недовольным взглядом надела его. — Хоть раз можно услышать меня и остановиться.

Гисли встал и нарочито спокойным тоном заметил:

— Тебя послушать, так я насильничаю тут. Раньше ты не жаловалась.

— А теперь жалуюсь. Я устала и хочу отдохнуть. Любой достойный муж это поймет и оставит жену в покое.

Гисли приблизился к Аннке и, поглядев на нее сверху вниз, усмехнулся.

— Жаль, что мои желания тебя не волнуют. Хорошо. Я понимаю, все понимаю. Великодушно оставляю тебя отдыхать.

Гисли ушел, а Аннке упала на постель, дрожа то ли от усталости, то ли от испуга. Раньше она никогда не отказывала мужу. В любом настроении, в любом состоянии она принимала его ласки, терпела их и не жаловалась. Однако сегодня что-то в ней воспротивилось, что-то переменялось, и Аннке не знала, к лучшему или к худшему.

Она разозлилась еще сильнее.

Глава 6

Аннке невыносимо было смотреть на советника Логана — мужчину крепкого и не такого уж старого — и бледную Финеллу, которая слова не могла вымолвить: только сидела, уставившись в пол, и иногда кивала, если к ней обращались.

Аннке вспоминала свои смотрины, через которые их семьям пришлось проходить дважды. Тогда она кожей чувствовала всеобщую неловкость, слушая те же признания и обещания, принимая те же подарки, которые когда-то принимала Имме. До той поры Гисли не обращал на Аннке внимания, не замечал ее, но после побега Имме вдруг полюбил всем сердцем, о чем не преминул сказать Ранье и Герту.

Бевин рассказала, что традиции в их деревне были куда мягче, чем в ее родной.

— Моя мать увидела моего отца только в день свадьбы. У меня была возможность провести один день со своим мужем. Немного поговорить с ним и узнать его. Финелле повезло, что она выходит замуж за человека, которого знает всю жизнь.

Финелла наверняка не согласилась бы с матерью, но идти против ее воли не стала. Она смирилась, как до этого смирились другие девушки. Как смирилась когда-то Аннке. Ей было семнадцать, когда она дала брачный обет, а Гисли — тридцать один. За три года они так и не обзавелись детьми и

не обрели счастья. И вряд ли обретут.

Аннке разлила по чашкам свежий чай и предложила гостям привезенные с материка сладости. Гисли не хотел выглядеть скупым хозяином: для смотрин и самой свадьбы он велел приготовить самые вкусные блюда и отобрать самые вкусные напитки.

— Для Финеллы мне ничего не жалко, — сказал он.

После чаепития они вышли прогуляться. Погода стояла тихая, небо было затянуто молочными облаками, сквозь которые еле-еле проступал солнечный свет. Логан и Финелла шли впереди, за ними ступали Бевин и Ши́ра — мать Логана, а в самом конце плелись Аннке и Гисли.

— Что с Финеллой? — тихо спросил Гисли.

— Ты о чем?

— Она словно воды в рот набрала. Все утро молчит, на Логана даже не смотрит. Не дело это.

— Она волнуется.

— Скажи ей, чтобы перестала и начала говорить. Пусть хоть улыбнется ему для начала.

— Ты боишься, что Логан разочаруется в ней и передумает?

Рука, за которую держалась Аннке, вмиг напряглась.

— Ты, верно, думаешь, что говоришь умные вещи? — уже другим тоном спросил Гисли.

— Я говорю то, что думаю.

— А я скажу, что некоторые свои мысли лучше оставить

при себе, если не хочешь по-настоящему прогневать меня. Только из большой любви я терплю твои выходки, женщина, но и моему терпению рано или поздно придет конец.

— И что ты сделаешь?

Гисли остановился. Аннке чувствовала, что подошла к той самой черте, за которой скрывался ее настоящий муж. На мгновение она испугалась, но затем все-таки рискнула и самым невинным тоном поинтересовалась:

— Что делает Гисли, когда его терпению приходит конец?

— Он начинает относиться к людям так, как они того заслуживают, — с неприятной улыбкой ответил он. — Не забудь поговорить с Финеллой.

Весь день Аннке раздумывала над словами Гисли. Весь день посматривала на него, но не замечала ничего угрожающего. Расплата за утреннюю выходку пришла перед сном: в этот раз Гисли не спрашивал, как чувствует себя Аннке, не целовал и не гладил ее. Он просто стянул с нее сорочку и взял с грубостью, которую раньше сдерживал. Аннке молчала, терпела и по привычке убеждала себя, что заслужила такое обращение. Утром она старательно не обращала внимания на боль между ног и выразительный взгляд Гисли, словно намекавший, что все это с легкостью может повториться.

Дни подготовки пролетали один за другим. Гисли обходил дома советников и их семей, заглядывал к соседям и приглашал их на свадьбу, обещая веселье, которого деревня давно не видела. Аннке с неохотой сопровождала его и вслед за

другими женщинами повторяла, как повезло Финелле и какой счастливой женой она станет.

— В такие моменты вспоминаешь свою свадьбу, — сказала Гулла, когда они с Аннке шли по рынку. — Ох, ну и весело нам было! И твою свадьбу я тоже хорошо запомнила. Бедный Роальд так напился! Всю улицу облевал, помнишь?

Гулла рассмеялась, а Аннке содрогнулась: в тот вечер у Гисли появилась еще одна причина презирать Роальда.

— Кажется, это было совсем недавно, — продолжала Гулла, расплачиваясь за головку сыра и убирая ее в тяжелую корзину. — А теперь мы провожаем Финеллу. Как там у нее дела?

— Волнуется.

— Ох, понимаю! Все волнуются. Ты уж поддержи ее.

— Как скажешь.

Тем же вечером Бевин достала из сундука свое свадебное платье и придирчиво его осмотрела, вслух прикидывая, сколько сил и времени уйдет на перешивку. Финелла сидела рядом, но мать свою почти не слушала, а Бевин этого как будто не замечала.

Свадьбу в их деревне праздновали два дня: первый — в доме невесты, второй — в доме жениха. Дел хватало всем: Гисли и Логан договаривались с соседями насчет столов и лавок, Бевин и Аннке перебирали посуду и запасы для праздничного стола, собирали приданое, а Финелла расшивала скатерти и занавески для нового дома, медленно и без осо-

бого удовольствия. Иногда к ним приходила Ранья, помогала с уборкой и чисткой. Аннке в такие моменты поглядывала на мать, но заводить откровенные разговоры не спешила — не при чужих ушах.

За такими хлопотами лето и подошло к концу. Настал день свадьбы. Птицы еще не успели проснуться, а Бевин, Аннке и Ранья уже вовсю трудились на кухне. Когда с последними блюдами было покончено, Бевин ушла будить и собирать Финеллу. Аннке неторопливо украсила последний пирог, поставила его на стол и повернулась к матери.

— В то утро меня собирала Бевин, — вспомнила она, не сумев скрыть напряжения в голосе. — Кажется, у тебя тогда разболелась голова.

— Да, мне весь день было плохо.

— Мне тоже.

Ранья вздохнула.

— Аннке, хватит. Не тебе одной тяжело.

— Да. И сегодня к нам присоединится Финелла. Будем страдать вместе.

— Разве ты страдаешь? Наоборот, всегда говоришь, что у вас все хорошо.

Мать была права. Аннке, наученная держать лицо и терпеть, редко говорила правду. Она пряталась за пустыми словами. Пряталась за улыбками. За согласием. Три года назад она позволила другим людям решать за себя и теперь была обречена на жизнь в несчастливом браке. Часть вины лежала

и на ней, и Аннке чуть не завывала, когда поняла это.

— Я, пожалуй, загляну к Финелле, — сказала она, желая сбежать от матери. — От меня напутственных слов она еще не слышала.

В комнате Финеллы было тихо и прохладно. Бевин возилась с волосами дочери, и Аннке ее не торопила — присела у окна и оглядела украшенный двор. Именно здесь Финелла принесет свою клятву: пообещает Логану быть верной и послушной женой, пообещает заботиться о нем и поддерживать его, а потом услышит ответную клятву. Советник Адди перевязет их руки красивой лентой — одним из подарков Логана — и навсегда объединит две семьи. Когда в церемонии участвуют по-настоящему влюбленные люди, смотреть на это приятно, но если кто-то несчастен, свадьба превращается в настоящее испытание.

Бевин ушла, и вскоре ее голос раздался где-то во дворе.

— Ну а ты чего сидишь? — спросила Финелла.

Аннке повернулась. Перешитое платье красиво сидело на тонкой фигуре Финеллы, а узоры, вышитые уверенной бабушкиной рукой, и сейчас вызывали восхищение. В таком добротном платье выходить замуж совсем не стыдно. На груди Финеллы красовалась брошь в виде птицы — материнский подарок, а на шее — тонкая цепочка, подаренная женихом.

— После свадьбы вы с Логаном останетесь вдвоем и разделите постель, — заговорила Аннке, не обратив внимания

на тон Финеллы. — Мой тебе совет: повеселись на празднике, выпей чего-нибудь, а в постели не напрягайся. Расслабь бедра — будет не так больно, когда он войдет в тебя. Если утром увидишь кровь, не пугайся. Это нормально. Значит, ты стала женщиной. Если крови не будет, уколи палец — лучше на ноге — и запачкай немного белье. Чтобы никто не думал, будто ты раньше спала с мужчинами.

— Я не спала!

— Мне все равно.

— Ну да, конечно. Чего это ты мне советы даешь?

— Надоела ты мне. Не хочу, чтобы Логан вернул тебя обратно.

Финелла закатила глаза.

— Другие советы будут?

Аннке задумалась. Еще раз взглянула на Финеллу и поняла, что перед ней сидит обычная испуганная девушка. Вчерашний ребенок, которого вскоре отдадут взрослому мужчине и введут в новый дом.

— Если муж окажется грубым, если поднимет на тебя руку, не молчи. Стоит хоть раз стерпеть жестокость, как она войдет у него в привычку.

— И что мне делать?

— Логан — один из советников, так что властью Гисли его не напугать, но... — Аннке слабо улыбнулась. — Ты всегда можешь напомнить, что твоя сестра — ведьма.

— Сестра? — фыркнула Финелла.

Аннке пожала плечами.

— Перед людьми и перед богами — да, сестра. Но не забывай, что я терпеть тебя не могу.

— Я тоже. Терпеть тебя не могу. Но спасибо за советы.

Аннке кивнула и вышла из комнаты. Сегодня она сделала больше, чем в свое время сделали для нее.

Свадьба прошла безупречно. Логан и Финелла по очереди произнесли клятвы и соединили свои жизни. Как только они разделили первую чашу эля и сели за стол, начался праздник. Люди с восторгом накиннулись на еду: ради такого важного дня Гисли приказал зажарить откормленную свинью и нескольких ягнят, а еще велел запечь с травами лучшую рыбу, которую выловили рыбаки. Пироги Аннке, сытные и сладкие, тоже не остались без внимания. Лучший кусок Логан преподнес Финелле, и она через силу, но все-таки съела его.

Аннке почти не притрагивалась к еде, зато охотно пила вино, которое Гисли привез с Большого острова. Она тоже хотела повеселиться на празднике, чтобы потом не напрягаться в постели.

Когда зазвучала музыка, некоторые соседи вышли из-за столов и пустились в пляс. Первый танец с Гисли Аннке честно выдержала и даже получила от него удовольствие, но потом предложила мужу порадовать других соседок. Дважды повторять не пришлось: Гисли протянул руку Ранье и утащил ее в самую гущу веселья.

— В молодости твоя мать могла танцевать до самого утра,
— сказал Аннке отец. — Даже без музыки.
— А ты почему не танцуешь?
— Ноги уже не держат. Я лучше на других полюбуюсь.
— Значит, если я позову тебя танцевать, ты мне откажешь?

Отец улыбнулся несмело и покачал головой.

— Нет, не откажу.

И они пошли танцевать.

В конце праздника Логан проводил Финеллу до дверей дома и под улюлюканье гостей оставил целомудренный поцелуй на ее бледной щеке. Все знали: сегодня Финелла в последний раз ляжет спать в старом доме, а завтра, после такого же яркого и веселого дня, переступит порог нового дома и начнет новую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.